Э. Д. Фролов

ИСТОРИЯ И ИСТОРИК В АНТИЧНОМ МИРЕ *

Для всякого человека, кому дороги традиции европейской гуманитарной культуры, должны быть интересны и судьбы основ этой культуры – гуманитарных наук, в первую очередь философии, филологии и истории. Почему колыбелью этих наук была античность, каким качеством обладали они в эпоху своего первоначального развития, каково было отношение античного общества и государства к носителям этих отраслей знания – все эти вопросы, интересные и сами по себе, приобретают актуальное звучание, поскольку невольно побуждают к сопоставлению ситуации с названными дисциплинами в классической древности и в новое время. Ибо хорошо известно, какой высокой, можно сказать, несравненной степени процветания достигли гуманитарные науки и вся гуманитарная культура в греко-римском мире, какой подъем переживали они в эпоху европейского гуманизма, начиная с итальянского Возрождения и по XIX столетие включительно, и какой кризис и упадок постигли их в новейшее время. Нас интересует ближайшим образом судьба истории, и этим объясняется тема настоящего этюда – история и историк в античном мире.

I. История в системе гуманитарных наук античности

1. Античное гражданское общество. Колыбелью исторической науки было античное, греко-римское общество. То, что история как наука родилась впервые именно в античном мире, объясняется ярко выраженным гуманитарным характером античной культуры, а этот последний был обусловлен природой самого античного общества. Напомнить о характерных чертах этого последнего будет нелишним в контексте нашего изложения[1].

Античное общество в собственном смысле слова являло собой гражданскую общину (полис, цивитас), т. е. корпорацию свободных граждан, четко отделенных от прочих групп населения древних городов – рабов и свободных, но неполноправных переселенцев (метеков в Афинах, перегринов в Риме). Признаком полноценного гражданина являлось право владения земельным участком, долгом гражданина была служба в народном ополчении, а гражданская идеология представ-

---

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета 22 декабря 2005 г.

[1] Нижеследующая характеристика античного гражданского общества опирается на наблюдения и выводы современной историографии, представленные в целом ряде работ отечественных и зарубежных ученых. Всестороннюю, обстоятельную трактовку этой темы можно найти в коллективной монографии: Античная Греция. Проблемы развития полиса / Под ред. Е. С. Голубцовой, Л. П. Маринович, А. И. Павловской, Э. Д. Фролова. Т. 1–2. М., 1983. См. также нашу работу: *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. 2-е. изд. СПб., 2004.

ляла собой сумму таких определяющих идей как чувство родины (полисный патриотизм), почитание отеческих святынь и традиций, понимание свободы и независимости как неотъемлемых качеств своего государства, культ закона, а в демократических общинах еще и убеждение в равенстве всех перед законом (у греков – исономия) и в равном праве на выступление, т. е. на активное участие в общественной жизни (исегория).

2. Досуг как атрибут жизни гражданина. Вместе с тем не следует забывать, что блестящее строение античного гражданского общества покоилось если не полностью, то в значительной степени на рабовладении, что имело свои негативные последствия. В самом деле, античный путь экономического развития – без машин, но за счет эксплуатации рабов-чужеземцев – имел своим следствием дискредитацию физического, производительного труда. Такой труд в принципе считался уделом рабов, а неотъемлемым качеством свободного человека признавался досуг (σχολή, *otium*)[2]. Сошлемся в этой связи на авторитетное мнение Аристотеля о примате досужей жизни над недосужей. В «Никомаховой этике» дается определение досуга-схолэ как цели и содержания блаженного состояния, человеческого счастья: «Считается, что счастье заключено в досуге, ведь мы лишаемся досуга, чтобы иметь досуг, и войну ведем, чтобы жить в мире (δοκεῖ τε ἡ εὐδαιμονία ἐν τῇ σχολῇ εἶναι·ἀσχολούμεθα γὰρ ἵνα σχολάζωμεν, καὶ πολεμοῦμεν ἵνα εἰρήνην ἄγωμεν – X.7. P. 1177b.4–6)». Та же мысль развивается Аристотелем и в «Политике»: «Вся человеческая жизнь распадается на занятия и досуг, на войну и мир (διῄρηται δὲ καὶ πᾶς ὁ βίος εἰς ἀσχολίαν και εἰς σχολήν καὶ πόλεμον καὶ εἰρήνην), а вся деятельность человека направлена частью на необходимое и полезное, частью на прекрасное. Предпочтение здесь следует оказывать исходя из той же оценки, что и для частей души и обусловленной ими деятельности: война существует ради мира, занятия – ради досуга, необходимое и полезное – ради прекрасного... Нужно, чтобы граждане имели воз-можность заниматься делами и вести войну, но, что еще предпочтительнее, наслаждаться миром и пользоваться досугом, совершать все необходимое и полезное, а еще более того – прекрасное (VII.13.8–9. P. 1333a.30–36)».

Замечательно, что провозглашение определяющей роли досуга относится у Аристотеля исключительно к гражданам – не к рабам. Ситуация с этими последними резюмируется древним философом в короткой фразе: «Пословица говорит: “Нет досуга для рабов” (κατὰ γὰρ τὴν παροιμίαν, οὐ σχολὴ δούλοις – *Pol.* VII.13.18. P. 1334a. 20–21)». Что же касается граждан, то для них осуществление досужей жизни было тем более возможным, что их досуг был материально обеспечен – не только их собственным имением и хозяйством, но и государственной поддержкой. Ибо гражданская община у древних греков и римлян была вместе

---

[2] Начало рассмотрению темы досуга в античном обществе было положено Э. Курциусом в речи, произнесенной в 1875 г.: *Curtius E.* Arbeit und Musse. Festrede. B., 1875. Специальное обстоятельное рассмотрение этой проблемы см. в кн.: *Welskopf E. Ch.* Probleme der Musse in Alten Hellas. B., 1962.

с тем и государством, от которого граждане требовали и получали необходимое материальное вспомоществование.

3. Землевладение, политика и атлетика как предпочтительные занятия для граждан. Единственным достойным свободного человека экономическим занятием считалось землевладение. (Здесь невольно напрашивается сравнение с известным французским фильмом «Тайна фермы Мессе», где главный герой, в блестящем исполнении Жана Габена, на вопрос следователя о его профессии, не колеблясь, отвечает: «Землевладелец»). Конечно, нормативное значение землевладения отнюдь не означало, что все граждане в античном обществе действительно были землевладельцами. Значительная их часть занималась ремеслами, торговлей и кредитными операциями (ростовщичеством), но эти занятия не были в чести (ср. недвусмысленные на этот счет высказывания у греков, например, Ксенофонта в «Экономике» и Аристотеля в «Политике», а у римлян – Катона в трактате «О сельском хозяйстве»). Однако бесспорно, что определяющую роль в экономике античного мира играло именно земледелие, соответственно в социальном плане – землевладение, а в общественном сознании – идеология земельных собственников.

Античное гражданское общество являло собой прежде всего корпорацию земельных собственников. Владение землей в сочетании с разного рода государственными дотациями обеспечивало необходимый материальный достаток, а широкое использование чужого труда доставляло, по крайней мере, людям этого круга значительный досуг. Но наличие досуга отнюдь не означало, что граждане античных государств вели в буквальном смысле слова бездельную жизнь. Граждане составляли общину, от безопасного существования которой напрямую зависела судьба собственности и жизни каждого отдельного гражданина. Отсюда сознание необходимости для каждого гражданина деятельного участия в жизни общины, в общественной деятельности. Уклонение от такого участия – аполитичность в буквальном смысле слова – считалось тягчайшим преступлением. Но дело не ограничивалось сознанием долга – принадлежность к гражданскому обществу, к коллективу, закономерно порождала соревновательное стремление к первенству (агональный дух)[3], а естественным полем приложения и реализации этого стремления оказывались необходимые для граждан служба в войске и участие в политической жизни. Отсюда интенсивное развитие атлетики, связанной с военным делом, и политики как рода деятельности, а вместе с тем и как особой науки. Этим же объяснялось сохранение унаследованной от древней аристократической эпохи, от героического времени, традиции высокой гражданской доблести (ἀρετή, *virtus*), равно как и культ гармонически развитой личности (у греков – καλοκἀγαθία).

---

[3] Явление агонального духа также впервые было отмечено Э. Курциусом в речи, произнесенной в 1856 г.: *Curtius E.* Der Wettkampf // *Curtius E.* Festreden. B., 1864, S. 1–22. Великолепный анализ этой проблемы см. теперь в кн.: *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985. С. 75 сл.

4. Гуманитарные занятия и гуманитарные знания. Неучастие в производительном труде оборачивалось равнодушием к технике и связанным с нею естественно-научным дисциплинам. Тем более закономерным было – в условиях, с одной стороны, досужего существования, а с другой – воздействия гражданских соревновательных импульсов – тяготение граждан античных городов к гуманитарным занятиям и гуманитарному знанию. *Гуманитарные занятия* – это занятия, связанные с главными сферами самовыражения человека, со словом и образом, т. е. в первую очередь поэзия и искусство. Сюда же относятся и такие, одновременно непосредственные и изощренные формы досужего занятия, как беседа и рассуждение, ставшие основой философии. Чисто спекулятивный характер философских занятий на практике оборачивался досужей беседой, диалогом, что наложило отпечаток на все прочие развившиеся позднее из философии гуманитарные жанры. Интенсивное развитие всех этих гуманитарных занятий, определяемое идеальными побуждениями, придало античной культуре несравненный художественный блеск и столь же несравненное гармоническое качество в сочетании с исключительной глубиной мысли. В свою очередь, *гуманитарное знание* – это знание о человеке как социальном существе. Это знание заявляет о себе уже в эпоху ранней архаики в поэзии Гомера, Гесиода, Солона. Из этого знания развились соответственные научные отрасли – философия и история, а чуть позже риторика и грамматика (филология), ставшие фундаментом того круга наук, которые позднее получили название свободных искусств.

5. Гуманитарные науки, или свободные искусства. Философия и история вообще были первые науки, родившиеся в античном мире[4]. Именно они ближайшим образом были выражениями той созерцательной деятельности (ἡ θεωρητικὴ ἐνέργεια), которую Аристотель признавал наилучшей и наиболее достойной свободного человека (*E. N.* X.7. P. 1177 a. 12 sqq.). Философия была мудростью вообще, призванной разъяснить положение человека в мире, или, как говорили греки, в космосе, разъяснить природу мира и соотношение двух его важнейших начал – материи и духа. История, в свою очередь, имела целью определить место человека в потоке времени, обращением к прошлому подвести к пониманию настоящего и, может быть, будущего.

Первым философом был Фалес из Милета (ок. 600 г. до н. э.), первым историком – «Отцом истории», по выражению Цицерона (*De leg.* I.1.5) – Геродот из Галикарнаса (V в. до н. э.). Самый термин «история» (ἱστορία – видение, *resp.* ведение), возможно, был введен в обиход поначалу философами как некое общее обозначение научного исследования. Так именно использовал этот термин Гераклит Эфесский в приложении к занятиям Пифагора: «Пифагор, сын Мнесарха, превыше всех людей занимался изысканиями» (Πυθαγόρης Μνησάρχου ἱστορίην ἤσκησεν ἀνθρώπων μάλιστα πάντων – Heraclit. ap. Diog. L. VIII.1.6 = Diels-Kranz. 22 [12]. B 129). Однако усвоение этого термина Геродотом и по-

---

[4] По этому вопросу подробнее см.: *Фролов Э. Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. 3-е изд. СПб., 2004. С. 78 сл.

пулярность труда последнего закрепили его использование в более позднее эллинистическо-римское время именно для обозначения исторической науки.

6. Качество античной исторической науки. Наука истории быстро достигла высокой степени совершенства, что подтверждается чередой блестящих писателей и ученых, чьими стараниями она возросла. У греков это были Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Полибий, Плутарх, у римлян – Саллюстий, Тит Ливий, Тацит, Светоний, с каждым из которых был связан известный момент в развитии исторической науки. Надо, однако, заметить, что вопрос об уровне исторического знания и исследования у античных историков временами дебатируется. В связи с развившимся в русле идей Фюстель де Куланжа и Карла Бюхера примитивизирующим воззрением на античность по принципу «что раньше нас, то проще нас», – временами являются даже сомнения в научном качестве трудов античных историков.

Этот крайний скепсис надо решительно отвергнуть. Ведь не ставят же под сомнение красоту и глубину гомеровских поэм и афинской драматургии, силу философской мысли Сократа и Платона, Демокрита и Эпикура, непревзойденную изощренность римского права (на последнее явление справедливо указал Эд. Мейер как раз по поводу полемики с примитивизирующей концепцией Родбертуса-Бюхера)[5].

Труды античных историков безусловно являли собой произведения научного качества – это прекрасно обосновал применительно к Геродоту английский историк и философ Робин Коллингвуд. Он справедливо определяет науку истории по следующим четырем признакам: 1) история – это разновидность исследования или поиска; 2) ее предметом являются действия людей, совершенные в прошлом; 3) она основывается на рационалистической интерпретации фактических данных; и 4) она служит человеческому самопознанию. «Из перечисленных особенностей истории, – замечает Коллингвуд, обращаясь к истокам историописания, – первая, вторая и четвертая ясно обнаруживаются у Геродота», – и на этом основании он столь же справедливо связывает создание научной истории с именем того, чей труд волею случая, но в то же время и закономерно, в силу вечно свершающегося стихийного отбора ценностей, остался для нас первым примером этого жанра[6]. Но, конечно, античная историография обладала своими особенностями, обусловленными характером того общества и той гуманитарной культуры, в лоне которых она родилась и развилась, особенностями, без учета которых невозможно адекватно постичь и оценить творчество древних историков.

7. Особенности античной историографии. К числу характерных черт античного историописания надо прежде всего отнести *ориентацию на художественность изложения*, что было обусловлено в раннюю эпоху (у Геродота) живой еще связью с традициями героического эпо-

---

[5] *Мейер Эд.* 1) Экономическое развитие древнего мира [1895] / Пер. с нем. Пг., 1923. С. 10–11; 2) Рабство в древности [1898] / Пер. с нем. Пг., 1923. С. 7–8.

[6] *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. *Ю. А. Асеева.* М., 1980. С. 19–21.

са, из которого это историописание и развилось, а в более поздние времена также и воздействием пышно расцветшей в античном обществе риторики. Отсюда, между прочим, происходят так шокирующие педантов нового времени вставка речей (прямых или косвенных) и отсутствие ясно выраженного научного аппарата, этого, в глазах современных критиков, едва ли не главного признака учености.

Другой важной чертой была *тесная связь истории с политикой*: многие становились историками после бурной политической карьеры и навсегда оставались политически ангажированными писателями. Для этих людей обращение к занятиям историей было видом духовной компенсации, и в своих исторических произведениях они нередко сводили счеты с реальностью – довершали или исправляли пером то, что в свое время не удалось сделать мечом. Соответственно и главный интерес этих писателей был направлен на политическую историю, на реконструкцию и изложение политически значимых явлений, т. е. прежде всего событий, что на долгие века стало главным направлением исторического творчества. Эту традицию продолжат в новое время Никколо Макиавелли и Эд. Гиббон, И.-Г. Дройзен и Дж. Грот, Теодор Моммзен и Эд. Мейер, пока, наконец, новое, более или менее социологическое направление не потеснит эту традицию (Н. Д. Фюстель де Куланж, М. И. Ростовцев, школа «Анналов»).

Наконец, для античной историографии всегда был характерен *моральный* (новейшие критики говорят – морализующий или морализирующий) *акцент и даже пафос*. Проявление этой черты видно уже у Геродота, верившего в необходимость не преступать справедливой нормы и в неизбежность божественной кары за такое преступление. Но особенно ярко выступает эта моральная тенденция у римских историков, а более всего у Саллюстия и Тацита, чьи осудительные вердикты Катилине или принцепсам из династии Юлиев-Клавлиев демонстрируют подлинное торжество нравственного начала в истории. Было ли это чертой слабости? Вряд ли, если только не считать такой чертой наличие вообще совестливого начала в человечестве.

Таковы главные, на наш взгляд, контуры исторической науки в античном мире. То был дебют одной из важнейших гуманитарных дисциплин, и дебют, как мы полагаем, великолепный.

II. Отношение античного общества и государства к истории и историку

Любому, кто специально занимается историей, кто стал профессиональным историком, интересен и важен вопрос об общественном положении людей его профессии, об их востребованности и, разумеется, их вознаграждении. Конечно, этот сюжет связан и с более общей темой роли и значения гуманитарных наук в общественной жизни. А обращение к этой теме, как мы уже указывали, неизбежно влечет за собой и сопоставление, желание узнать и сравнить положение истории и историка в разные эпохи, дабы таким образом в полной мере оце-

нить то, что нас более всего волнует, – современное состояние. В этой связи закономерным будет наше обращение к тем примерам, которые предоставляет античная, в первую очередь греческая древность.

Надо думать, что общее положение ученого-гуманитария в античном обществе было достаточно почетным. Это следует из таких обстоятельств, как большая роль досуга в жизни граждан и преимущественно гуманитарный характер культуры, как традиционно-высокое значение аристократических ценностей и интерес к героическому прошлому. Отсюда – рано получившие распространение специальные занятия историей, развитие исторических занятий от эпической поэзии к правильному историописанию, причем, однако, сохранялось ощущение родства эпоса и истории, эпического поэта и историка[7].

Надо думать, что следствием всего этого и в самом деле было уважительное отношение в античном обществе к труду историка. Спрашивается, однако, в какой форме могло выражаться это уважительное отношение, какие именно почести и награды выпадали на долю историка в античном мире, в частности в древней Греции. При первом знакомстве с материалом возникает впечатление, что было два вида вознаграждения историкам – почетные награды вообще и почетные пожалования, включавшие денежное вознаграждение.

1. Общественное признание заслуг историка в виде почетных наград. Примеры такого рода многочисленны. Великолепную их подборку можно найти в работе Ангелоса Ханиотиса[8]. Выберем из них два, на наш взгляд, наиболее примечательные.

1) Знаменитый философ *Аристотель, сын Никомаха, из Стагиры* и его внучатый племянник, историк *Каллисфен, сын Дамотима, из Олинфа* получили почести от дельфийцев около 335 г. до н. э. за работу по составлению списка победителей и устроителей Пифийских игр (*Chaniotis*. E 3; *Ditt*. Syll.^{3} I.275, с восстановлениями):

«Боги. При архонте (таком-то) в Дельфах, в весеннее (вариант – осеннее) собрание амфиктионов, когда гиеромнемонами были от фессалийцев – Полита, Никасипп, от Александра – Археполис и т. д. Решено гиеромнемонами: поскольку Аристотель, сын Никомаха, стагирит, и Каллисфен, сын Дамотима, олинфиец, призванные амфиктионами, составили список побеждавших на Пифиях от года Гилида (?) и устраивавших это состязание с самого начала, – похвалить (ἐπαινέσαι) Аристотеля и Каллисфена и увенчать венками (στεφανῶσαι); а список пусть казначеи поставят в святилище, переписав на каменные стелы; записать и это решение и т. д.»

2) *Сириск, сын Гераклида, из Херсонеса* получил почести от народа херсонеситов в III в. до н. э. за описание явлений херсонесской

---

[7] Для Геродота это было отмечено уже древними критиками. См.: (Ἡρόδοτος) Ὁμήρου ζηλωτὴς γενόμενος – Dion. Hal. *Ep. ad Pomp.* 3.11; Ἡρόδοτος Ὁμηρικώτατος ἐγένετο – Ps.-Longin. *De sublim.* 13.3.

[8] *Chaniotis A.* Historie und Historiker in den griechischen Inschriften. Epigraphische Beiträge zur griechischen Historiographie (Heidelberger althistorische Beiträge und epigraphische Studien / Hrsg. von Géza Alföldy, Bd. 4). Stuttgart, 1988. S. 287–389 (2. Teil – Die Historiker in den griechischen Inschriften).

богини Девы и рассказ об отношениях своего города с царями Боспора и другими городами Понта (*Chaniotis*. E 7; IOSPE. I².344, с восстановлениями):

«Гераклид, сын Парменонта, предложил: поскольку Сириск, сын Гераклида, явления Девы, трудолюбиво описав, прочитал и про отношения к царям Боспора рассказал и бывшие дружественные отношения с городами исследовал согласно достоинству народа (ἱστόρησεν ἐπιεικέως τῶι δάμωι), – то, дабы он получил достойные почести (τιμὰς ἀξίας), да постановит совет и народ похвалить (ἐπαινέσαι) его за это, и симмнамонам увенчать его золотым венком (στεφανῶσαι τοὺς συμμνάμονας χρυσέωι στεφάνωι) в Дионисии, в 21-й день, и быть провозглашению: "Народ венчает (ὁ δάμος στεφανοῖ) Сириска, сына Гераклида, за то, что он описал явления Девы и бывшие дружественные отношения с городами и царями исследовал правдиво и согласно с достоинством государства (ἱστόρησεν ἀλαθινῶς καὶ ἐπιεικέως τᾶι πόλει)". Написать симмнамонам на каменной стеле народное постановление и выставить в притворе храма Девы; понесенный же расход выдать (согласно решению?) казначею священных сумм. Это решено советом и народом месяца... в десятый день...» (пер. В. В. Латышева)[9].

В обоих случаях награды являются в виде похвалы и награждения венком. Очевидно, что награды эти носили более или менее символический характер (менее – возможно, в случае награждения *золотым* венком).

2. Собственно гонорар, т. е. связанное с почетом денежное вознаграждение историку. Примеры здесь не столь многочисленны, но все же имеются.

1) Знаменитый историк *Геродот из Галикарнасса* получил гонорар от афинян около 445 г. до н. э. (*Chaniotis*. E 1). Об этом свидетельствует прежде всего афинский историк Диилл, продолжатель Эфора, от рубежа IV–III вв. до н. э. (FHG. 73. F 3), в передаче Плутарха (*De Her. malign.* 26. P. 862 b): «А о том, что Геродот получил в дар от афинского народа 10 талантов согласно предложению, внесенному в народное собрание Анитом (Ανύτου τὸ ψήφισμα γράψαντος), сообщает Диилл, муж, пользующийся большим авторитетом в истории» (пер. С. Я. Лурье). В пользу историчности этого свидетельства говорит ссылка Диилла на официальный документ – на постановление афинского народного собрания.

С этим свидетельством надо сопоставить и другие, подтверждающие если не получение, то стремление к получению Геродотом денежных наград. Таково именно свидетельство представителя локальной (беотийской) историографии Аристофана (FHG. 379. F 5), тоже в передаче Плутарха (*De Her. malign.* 31. P. 864 c–d). Последний заявляет: «Аристофан Беотийский написал, что Геродот требовал от беотийцев денег (χρήματα), но не получил их, что он начал было беседовать с юношами и преподавать им, но беотийские власти запретили ему это

---

[9] О сюжете с Сириском см. также специальную работу: *Ростовцев М. И.* Сириск – историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. № 4. Отдел кл. фил. С. 151–170.

вследствие их некультурности и враждебности к науке. Это утверждение оставалось бы недоказанным, если бы сам Геродот в своем труде не подтверждал, как свидетель, обвинений Аристофана: в его сочинении одни обвинения против фиванцев представляют собой ложь, [другие – клевету], третьи продиктованы ненавистью и враждебностью к фиванцам».

В том же духе свидетельствует и Дион (или Псевдо-Дион) из Прусы в «Коринфской речи» (XXXVII.7): «Пришел и писатель Геродот, неся вам (т. е. коринфянам) рассказы как прочие эллинские, так и коринфские, еще не лживые, за которые он считал вправе получить от вашего города плату (μισθόν); обманувшись в этом расчете, поскольку ваши предки не сочли справедливым покупать славу (за деньги), он переиначил то, что все мы знаем, именно историю с Саламином и Адимантом».

Наконец, важна заметка в хронике Евсевия–Иеронима (*Chronica*. II. P. 107 Schoene. Ol. 83.4 [= 445/444 a. Chr.], *resp.* Kanon K 307. S. 193 Karst): «Геродот по прочтении своих книг в афинском собрании был награжден (*Herodotus cum Athenis libros suos in concilio legisset honoratus est*)».

Из приведенных и иных свидетельств видно, что Геродот выступал с чтением отрывков из своего труда в разных городах – Фивах (Аристофан Беотийский), Коринфе (Дион из Прусы), Афинах (Евсевий–Иероним; Marcell. *Vita Thuc.* 54; Phot. *Bibl.* 60.19 B 38–42), Олимпии (Luc. *Herod.* 1–2; Suda. s. v. Θουκυδίδης). При этом он мог добиваться платы за свои выступления подобно ораторам или риторам-софистам, своим современникам, сделавшим свои публичные рецитации источником дохода. Так было, в частности, в Афинах, где, однако, критерием общественной оценки могло стать не только литературное и ораторское мастерство автора-исполнителя, но и его ясно выраженная проафинская политическая ориентация[10].

Но если Геродот в своей учено-литературной деятельности в какой-то степени являл качества эпического сказителя (древние, как мы отметили, сравнивали его с Гомером) и публичного декламатора и, подвизаясь на этих ролях, мог получать вознаграждения, то и присяжные поэты и риторы, в свою очередь, нередко вторгались в область истории и в качестве, так сказать, ассоциированных историков оценивались общественным мнением и соответственно награждались. Мы увидим это на нижеследующих примерах.

2) Знаменитый поэт *Пиндар из Фив* получил награды от афинян в начале V в. до н. э. (Chaniotis. E 70). Свидетельство – Исократ в речи

---

[10] Скептическую позицию относительно гонорара Геродота занимает С. Я. Лурье: не отрицая возможности публичных выступлений Геродота с чтением отрывков из своего труда, он, однако, сомневается в возможности выплаты ему афинянами «за литературный труд» столь огромной суммы – 10 талантов, коль скоро даже Пиндар «получил за свой дифирамб в честь Афин только тысячу драхм (1/6 таланта), т. е. в 60 раз меньше! Поэтому, – заключает он, – более правдоподобны предположения, что 10 талантов Геродот получил в возмещение издержек либо по дипломатическим переговорам с Персией, либо по основанию колонии в Фуриях» (*Лурье С. Я.* Геродот. М.; Л., 1947. С. 19, со ссылками соответственно на Эд. Мейера (переговоры с Персией) и Ф. Якоби (основание Фурий). По поводу Пиндара см. ниже.

«Об обмене состоянием» (XV.166): «Еще более поразительным является случай, когда поэта Пиндара наши предки за одну только строку, в которой он назвал наше государство твердыней Эллады, почтили так, что и проксеном его сделали, и в дар дали ему 10000 драхм (ὑπὲρ ἑνὸς μόνον ῥήματος, ὅτι τὴν πόλιν ἔρεισμα τῆς Ἑλλάδος ὠνόμασεν, οὕτως ἐτίμησαν ὥστε καὶ πρόξενον ποιήσασθαι και δωρεὰν μυρίας αὐτῷ δοῦναι δραχμάς); мне же, которому удалось в гораздо большей степени и еще прекраснее прославить наше государство и наших предков, не дали прожить в спокойствии остаток жизни» (пер. В. Г. Боруховича).

Свидетельство Исократа, упоминающего о предоставлении Пиндару не только денежной награды, но и проксении, очевидно, опирается на документальный источник – на надпись с текстом соответствующего постановления. Тем более оно заслуживает доверия.

К этому надо добавить свидетельство Павсания (I.8.4, в описании Аттики, именно Афин и, в частности, почетных статуй в районе агоры): «Тут же статуи Калада, написавшего для афинян номы (торжественные гимны), и Пиндара, получившего от афинян много других знаков расположения, а также и эту статую за то, что составил в их честь гимн» (пер. С. П. Кондратьева).

О постановке афинянами статуи Пиндара упоминает и автор приписываемых Эсхину писем (Ps.-Aeschin. *Epist.* 4.3). Здесь же рассказывается и о другом афинском вознаграждении Пиндару: когда соотечественники поэта фиванцы наложили на него штраф за составление поэмы, прославлявшей Афины, афиняне в виде компенсации уплатили поэту двойную сумму: ἐζημίωσαν αὐτὸν Θηβαῖοι τοῦτο ποιήσαντα τὸ ἔπος, οἱ δὲ ἡμέτεροι πρόγονοι διπλῆν αὐτῷ τὴν ζημίαν ἀπέδοσαν. Еще в одном позднем источнике – анонимной биографии Пиндара –рассказывается, что афиняне прямо заплатили за Пиндара штраф, причем называется и сумма штрафа – 1000 драхм (ἐζημιώθη ὑπὸ Θηβαίων χιλίαις δραχμαῖς ἃς ἐξέτισαν ὑπὲρ αὐτοῦ Ἀθηναῖοι – *Vita Pindari.* 3). Поскольку не подлежит сомнению позднее происхождение как приписываемых Эсхину писем, так и анонимной биографии Пиндара, представляется вероятным, что излагаемое в них предание о выплате афинянами Пиндару – или фиванцам за Пиндара – суммы штрафа, к которому присудили его соотечественники, является расцвеченной версией того сообщения о награждении поэта, что содержится в речи Исократа.

Так или иначе, очевидно, что составленный Пиндаром в честь афинян гимн прославлял их заслуги как спасителей Эллады во время войн с персами и, стало быть, подобно труду Геродота, носил историко-политический характер, а потому, опять же как и в случае с произведением Геродота, заслужил награду от тех, кого он прославлял.

3) Эпический поэт *Хэрил с Самоса* (2-я половина V в. до н. э.) получил награду от афинян за аналогичное прославление их заслуг (Chaniotis. E 52). Сообщение об этом находим в известном лексиконе Суды (s. v. Χοίριλος): «Он написал такие произведения: победу афинян над Ксерксом, за каковую поэму получил по золотому статеру за стих (ἐφ' ου ποιήματος κατὰ στίχον στατῆρα χρυσοῦν ἔλαβε) и постановлением на-

родного собрания право быть читаемым (на фестивалях) вместе с поэмами Гомера».

Если свидетельство Суды верно, то за поэму средней величины – скажем, той же длины, что и средняя ода Пиндара (в 100–150 стихов) – Хэрил должен был получить 100–150 золотых статеров, что могло равняться (из расчета 1 статер = 2 драхмам и при соотношении золота и серебра как 1:10) 2 или 3 тыс. серебряных драхм.

4) Поэтесса *Аристодама, дочь Аминты, из Смирны* получила награды от этолийских городов Ламии и Халейона в 218/217 г. до н. э. (Chaniotis. E 56; соответственно: Ditt. Syll.[3] I.532 и SEG. II. 263.XXV.590).

Декрет из Ламии гласит: «Когда стратегом этолийцев был Агета из Каллиполиса, в добрый час, решено городом ламийцев: поскольку Аристодама, дочь Аминты, из Смирны, сочинительница стихов (ποιήτρια ἐπέων), прибыв в наш город, учинила несколько представлений своих поэм (πλείονας ἐπιδείξεις ἐποιήσατο τῶν ἰδίων ποιημάτων), в которых поведала о племени этолийцев и наших предках достойно нашего народа (τοῦ δήμου ἀξίως), осуществляя это представление со всяческим усердием, то быть ей проксеном города и эвергетом, предоставить ей также гражданство и право владения землей и домом, а также эпиномию[11], неприкосновенность и безопасность на земле и на море, во время войны и в мирное время, и ей самой и ее потомкам и имуществу на все времена, и вообще все, что дается прочим проксенам и эвергетам; пусть наличествует и у О...нея, ее брата, и у потомков его проксения, гражданство, неприкосновенность. При архонтах Пифоне, Неоне, Антигене, когда стратегом был Эпиген, а гиппархом Кил. Ручающийся за проксению – Пифон, сын Афанея».

Декрет из Халейона примерно такого же содержания. Аристодама здесь также именуется «сочинительницей стихов» (ἐπέων ποιήτρια). Она удостаивается похвалы и награждается лавровым венком, ей жалуются звания проксена и эвергета и связанные с ними права ателии, асилии и энктесиса. Она получает гонорар в размере 100 драхм в качестве гостевого подарка (ξένια).

5) Оратор *Фемистокл, сын Эсхила, из Илиона* получил почести и денежную награду от граждан Ксанфа, города в Ликии, в 196 г. до н. э. (Chaniotis. E 12; SEG. XXXIII.1184). Награды он удостоился за речи, прочитанные перед жителями Ксанфа во время своего пребывания в их городе. Об этом свидетельствует прескрипт декрета, принятого в его честь в Ксанфе: «Поскольку Фемистокл, сын Эсхила, из Илиона, прибыв в наш город, учинил выступления с ораторскими произведениями (ἀποδείξεις πεπόηται τῶν ῥητορικῶν λόγων), которыми приобрел большую славу; и прожил (у нас) немалое время, оставаясь безупречным и достойным имеющегося у нас родства с гражданами Илиона и т. д.».

Произнесенные Фемистоклом речи были, по-видимому, исторического содержания: в них прослеживались или доказывались близкие отношения между двумя городами, Илионом и Ксанфом.

---

[11] Эпиномия – право выпаса скота на чужой территории.

За это Фемистокл был удостоен гражданами Ксанфа похвалы и денежной награды в 400 драхм.

Декрет, принятый в честь Фемистокла в Ксанфе, надлежало выставить в храме Лето (супруги Зевса, матери Аполлона и Артемиды) в Ксанфе и в храме Афины в Илионе, рядом со статуями отца Фемистокла. За что последний был удостоен такой почести, неизвестно, но, так или иначе, он должен был быть видным гражданином. Тем не менее, А. Ханиотис полагает, что самый факт упомянутой денежной награды должен свидетельствовать против высокого социального положения чествуемого оратора.

* * *

В заключение заметим следующее. Конечно, мы не исчерпали нашей темы ни в том, что касается науки истории вообще, ни в том, что относится к положению историка. Множество примеров, которые доставляет нам античная традиция, литературная и эпиграфическая, относительно вознаграждения историков за их труд, остались пока в стороне. Но некоторые общие суждения, как нам представляется, могут все же быть вынесены на основании как привлеченных избранных примеров, так и более общего ознакомления с данными традиции. Пусть это будут предварительные размышления *ad hoc*.

Прежде всего надо различать две эпохи в жизни древнегреческой историографии – классическую и эллинистическую (в широком плане, включая и время Римской империи). Для первой характерен более общий тип *исторического писателя*, для которого историография была скорее еще видом досужего занятия, а сам такой писатель являл собой фигуру достаточно состоятельного и влиятельного гражданина (Геродот, Фукидид, Ксенофонт). Для второй показательно выступление, наряду с отдельными фигурами прежнего плана (Полибий, Плутарх), многочисленного отряда *историков-профессионалов*, для которых их занятия стали средством заработка. Именно за ними закрепилось обозначение ἱστοριογράφοι. При этом наряду с историками, продолжавшими свое бытование в качестве граждан родного города, распространился тип странствующего полуисторика-полуритора, странствующего именно в поисках заработка. Причины этих сдвигов надо искать как в естественной профессионализации исторической науки, так и в коренных переменах в общественной жизни античного мира.

Соответственно меняется ситуация с вознаграждением. Если в классическую, а отчасти еще и в эллинистическую эпоху оно состояло для исторического писателя скорее в обретении общего реноме, в отдельных случаях – в получении почетных наград в виде официальной похвалы, венка и некоторых привилегий (ср. случаи с Аристотелем, Каллисфеном и Сириском), то в более позднюю, эллинистическую эпоху для историка-профессионала (или близкого ему по жанру поэта или ритора) жизненно важным стало получение именно денежного вознаграждения, платы от города или монарха, которая стала важнейшим источником его дохода и основанием его существования. При этом

самая эта плата, очевидно, должна была стать, как у всякого ремесленника, достаточно скромной (ср. случаи с Аристодамой из Смирны и Фемистоклом из Илиона). Мы уже не говорим о том, что материальная зависимость историка-профессионала от возможных благодетелей неизбежно должна была сказаться и на направлении и качестве его труда. Саркастическая характеристика историков такого типа дана Лукианом в его памфлете «Как надо писать историю», где справедливо указано на главный грех таких писателей – на их стремление не к достоверному изложению событий, а к обретению любыми способами популярности и милостивого внимания сильных мира сего.

Вместе с тем всегда оставались особые случаи неординарного вознаграждения историкам или близким им по жанру писателям, чьи произведения носили достаточно политизированный характер и удовлетворяли интересам какого-либо из греческих государств. Так, историк Геродот и поэты Пиндар и Хэрил получили, помимо всего прочего, значительные денежные вознаграждения от афинян за прославление их заслуг перед Элладой. Другой замечательный пример – историк Ксенофонт, который за свою службу Спарте – надо думать, не только мечом, но и пером – получил от спартанцев имение в Скиллунте. Это все были случаи не просто *экстраординарного*, но еще и *безмерного* вознаграждения. Приходится признать, что труд историка в античную эпоху (как, впрочем, и во все времена) оплачивался по высокой шкале только в том случае, когда он служил на потребу политики. Но эффективность такого служения, а соответственно и размер вознаграждения, напрямую зависели от таланта и случая, что роднит судьбу историка с судьбою артиста.

Как бы то ни было, звездная судьба выпадала на долю немногих. Положение прочей массы писателей, рисковавших избрать своей профессией труд историка, было незавидным. Их существование зависело от поддержки местных меценатов или от жалованья, которое они могли получать от государства за учительский труд – но не как историки, а как преподаватели более широкого круга дисциплин, среди которых востребованы были прежде всего риторика и философия.

Примечательно формирование в античном мире этого круга дисциплин, за которыми закрепилось наименование свободных наук, или искусств (αἱ ἐλευθέριαι ἐπιστῆμαι, *artes liberales*)[12]. У первых профессиональных учителей науки, у софистов, это были политика и риторика; классические фигуры тех, кто брался наставлять в этих дисциплинах, – Протагор и Горгий в том виде, как они изображены в соответственных диалогах Платона. Минуя Платона, чье пристрастие к математике было слишком вычурным, чтобы стать общественной нормой, назовем далее Аристотеля, который в 8-й книге «Политики» обрисовал круг свободных наук, т. е. наук, занятие которыми достойно свободных людей, включив в него грамматику, рисование, гимнастику и музыку.

---

[12] По этому вопросу более подробно см.: *Адо И.* Свободные искусства и философия в античной мысли / Пер. с франц. Е. Ф. Шичалиной. М., 2002.

Тремя столетиями позже Цицерон определил состав наук, знание которых необходимо для активного гражданина-оратора; это, по его мнению, прежде всего риторика и диалектика, а кроме того, философия, право и история (*Orator.* 113–120). Включение великим римским оратором истории в круг необходимых для изучения предметов неслучайно. О его уважительном отношении к истории свидетельствует хорошо известное высказывание: «История – свидетельница времени, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины (*Historia vero testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis – De oratore.* II.9.36). Однако взгляд Цицерона не стал общепризнанным. Еще несколько столетий спустя, уже под самый занавес античной истории, автор ученого компендиума «О свадьбе Филологии и Меркурия» Марциан Капелла (1-я половина V в. н. э.) включил в круг свободных искусств следующие предметы: грамматику, диалектику, риторику, геометрию, арифметику, астрономию, гармонию (музыку). То, что в этом ряду не нашлось места для истории, – показательно. В культурном и научном обиходе античности, не просто гуманитарном, но и предельно риторизированном, истории суждено было остаться вспомогательным пособием риторики. Новоевропейская культура классицизма сохранила этот порядок вещей, разве что в более новое время место риторики заняла филология, – ситуация, которая продолжалась вплоть до XX века.

EDUARD D. FROLOV (ST. PETERSBURG)

HISTORY AND THE HISTORIAN IN THE ANCIENT WORLD

This article considers two points: the place of history in the circle of humanitarian sciences and the position of the historian in an ancient society. The origin and high development of history in Ancient Greece were stipulated by the primary humanitarian character of the ancient culture, but among the historians only those obtained the official recognition whose works were serving the political interests of the state.